

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С54

Иллюстрации на обложке
и дизайн серии *Ольги Медведковой*

Сойфер, Дарья.
С54 Лайки вместо цветов / Дарья Сойфер. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с.

ISBN 978-5-04-101617-3

Что случится, если серьезная журналистка перейдет дорогу крупному бизнесмену? Деньги победят. Но только в первом раунде. Ведь Лера не из тех, кого может сломить увольнение. Настоящий талант найдет применение даже в женском журнале. И рядовые статьи про знакомства в интернете Лера превратит в самый настоящий эксперимент. Приложение для быстрых свиданий приведет ее к... К кому бы вы думали? Правильно. К главному врагу. И уж тут пощады не будет.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Кулыгина Д., 2019
© Оформление.
ISBN 978-5-04-101617-3 ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1
Нет лайков
в своём отечестве

— Эй, ты! Стоять! Убрать камеру!

Из темноты вынырнул луч слепящего света.

— Ты снял? Успел?! — Адреналин змеиным ядом растёкся по крови, прибавляя скорости.

— Да погоди же! Тяжело! Валера, мать твою!

Оператор пыхтел за спиной, отдувался, бежал, насколько ему позволяли камера и багаж прожитых лет (килограммов эдак пятнадцать). Хорошо бы помочь, но камеру он всё равно никому не доверит. А нечего было задвигать в дальний ящик корпоративную фитнес-карту! Вот они, все пропущенные тренировки...

— Я тебя запомнил! — басил где-то позади охранник. — Вас! Обоих!

К счастью, он о здоровом образе жизни слышал чуть меньше, чем оператор Дима, и быстро отстал. Так, погнался для видимости, полаял, как старый беззубый алабай. А собаки уже завелись, хоть какая-то движуха в приютской рутине. Громкое перебрёхивание, вой, скулёж... Кто на что горазд, словом. Хорошо бы и это снять, но, если сейчас попросить Диму включить камеру, убьёт штативом.

Ещё метров сто — и вот он, родной потрепанный фургончик телеканала. Жизнь журналиста, конечно, не всегда состоит из погонь и приключений, но вот в такие моменты... Как-то сразу понимаешь, ради чего всё. Вдруг этот сюжет поможет собачьему приюту? Вдруг сохранит особнячок?.. Ну и приятно, в конце концов, плюхнуться в кресло напротив редактора передачи и с торжествующим видом объявить:

— Ну, Пал Палыч, лови сенсацию.

Пал Палыча словом «сенсация» не удивить. Каждый репортёр средней руки, снявший, как депутат высморкался в неподобающем месте, уверен, что порвёт эфир. Так ведь и Валера на канале не первый год. И уж пора бы привыкнуть, что её сенсация — всем сенсациям сенсация.

Вообще-то её звали Валерия. По задумке матери. Но как-то уж повелось: сначала парни во дворе, а потом и сам папа стали звать Валерой, и на канале прижилось. А как ещё называть человека в берцах, бесформенных армейских штанах с кучей карманов и линялой серой футболке? Пал Палыч как-то заикнулся о дресс-коде, тогда Валера завела дежурный пиджак и галстук. Правда, надевала их поверх футболки, и выглядело всё это как здоровенный плевок в любимую кружку начальника. Единственное, что в Лере Гинзбург осталось от её пола, был сноп каштановых кудрей.

— Не ценишь ты, что тебе Бог дал... — завистливо вздыхала секретарша Оленька, печально глядя собственную мышиную косичку.

На что Валера обычно отмахивалась, фыркала и угрожала, что сбреет эту порнографию к едрене фене.

Неизвестно, есть ли у волос чувства, но со временем даже кудри перестали работать на Лерино обаяние, и подвыпивший осветитель крикнул ей в спину: «Эй, курчавый!»

Пал Палыч Минаев откинулся, пожевал кончик юбилейного «Паркера», бисеринки пота над верхней губой заискрились в свете рабочей лампы.

— И чего мне это будет стоить?

Трусливая административная морда! Конечно, ему в первую очередь интересно, не что за сюжет, а кто и сколько раз подаст на канал в суд. Вот не место таким слабакам в журналистике.

— Ну, формально Соломатину предъявить нечего. — Лера закинула ногу на ногу. — Мы с Димой отработали чисто, на территорию не лезли, просто сняли снаружи строительную технику, допросили рабочих, владельцев приюта...

— Стоп-стоп-стоп! — замотал головой Минаев. — Соломатину? Тому самому? Матвею? Который «Соло Инвест»?

— Йеп, — кивнула Лера. — Зазнавшийся засранец собственной персоной.

— Я как-то пропустил момент, когда он стал главзлодеем? — устало поморщился Пал Палыч. — Оторвал зайке лапку?

— Ха-ха... — Лера скривилась.

Стоило ей вступить в условные ряды зоозащитников, сняв первый обличительный сюжет про контактный зоопарк, как главным развлечением её коллег стали шутки на тему Лериной сердобольности. То начинали нарочито садистски терзать стейк, хотя веганом Валера никогда не была, то кидали ей на рабочий стол открытки с котятами. Суровый юмор людей, у которых нет ничего святого.

— Почти, — она кивнула в сторону шефского компьютера. — Вы бы хоть ознакомились... Ладно, вкратце. В Подмосковье есть имение конца девятнадцатого века. Маленькое, но какая-никакая историческая ценность. Одни дубы и лиственницы чего стоят! В советские годы там был санаторий для работников почты, потом всё это стало медленно разоряться и осыпаться... Короче, сейчас участок арендует приют для собак.

— Всё сошлось, — вздохнул Пал Палыч.

— В смысле?!

— Историческая ценность, деревья, собаки. Святая земля, да?

— Можете ёрничать сколько угодно, но Соломатин выкупил эту землю. Как? Большой вопрос, потому что особняк признан памятником архитектуры. Владельцы приюта получили уведомление о выселении. Знаете, что это значит? Если они не найдут новое место, собак усыпят. Больше ста собак! А где им найти новое место?

— Слезоточиво, — кивнул редактор. — Дальше.

— А вчера Соломатин подогнал туда строительную технику. Эту, как её. — Валера изобразила руками большой качающийся шар.

— Шар-бабу? — Пал Палыч хихикнул.

— Вот именно! А теперь представьте: чиновники, которые разбазаривают культурное наследие. Бизнесмен, чья смазливая рожа разве что на обложке «Форбс» не маячила. Прогрессивный весь такой, лобзает мэрские ручки.

— Мерзкие?

— Мэрские. Мэра, в смысле. Где он там учился? Йель? Принстон? А ведёт себя как воротила из девяностых. Копнуть бы поглубже, и наверняка выяснится, что он построит там торговый центр или завод.

— И непременно с вредными выбросами?

— Это что, смешно, по-вашему? — Лера упрямо сдвинула брови.

— Хочешь, чтобы я пустил это в эфир?

— Без вариантов.

Пал Палыч сдался. Разумеется, чутьё матёрого телевизионщика его не подвело, через неделю на редакцию программы «Гражданское слово» обрушилась артиллерия «Соло Инвест».

Лера подозревала, что Соломатин не так прост и молча отсиживаться не станет. Людям без связей нечего делать в бизнесе. Уж если он нашёл способ продать или подкупить чиновника ради земли с особнячком, то припугнуть телеканал юридической дребеденью и политиками — как два пальца. Первый раз, что ли? Не ожидала Лера одного: реакции шефа.

Минаев был человеком вредным, занудным и до жути любил чеснок. То есть иметь с ним дело было непросто по разным причинам. Но за своих сотрудников всегда стоял горой, иначе передача, известная своими скандальными расследованиями, не продержалась бы столько лет в эфире. А тут не прошло и суток после эфира с Лериным сюжетом, как Пал Палыч вызвал её к себе скорбным тоном.

— Скажи спасибо папе, — выдал он, печально раскачиваясь в кресле.

— В смысле?

— За фамилию... Я им тебя не сдал, они с чего-то решили, что автор сюжета — Валера Гинзбург.

— А я кто?

— Парень, — терпеливо пояснил Минаев. — Но крови они хотят.

— Да мало ли чего? — фыркнула Лера. — Похотят и перестанут. Сейчас против них поднимутся соцсети, вчера создали петицию... Не до нас. Слушайте, а можно я сегодня пораньше? Встреча однокурсников, все дела... Завтра, конечно, придёт бодун, но у меня такая затравка для следующего сюжета...

— Насчёт этого можешь не волноваться.

И Лера бы не волновалась, если б не траурный вид начальства. Пал Палыча таким бледным и безрадостным она видела только дважды: на похоронах Зыкиной и в день, когда закрыли чебуречную в соседнем здании, заменив её крафтовым фитнес-баром.

— Что вы натворили?! — в лоб спросила Лера.

Никто другой не позволил бы себе сказать Ми-

наеву нечто подобное, но она справедливо считала себя его любимицей. Пал Палыч вздохнул, глубоко, как для флюорографии, и качнул головой.

— Понимаешь, звонил *Он*. Сам. — Начальственный взгляд стрельнул к потолку. С таким видом обычно говорят о Боге или президенте, но для Пал Палыча авторитет в жизни был только один: владелец канала. И если до него добрались доберманы Соломатина... Дело плохо.

Лера сглотнула, предчувствуя страшное.

— Только не говорите, что...

Но Пал Палыч уже кивнул.

— Валер, ты пойми, — почти умоляюще начал он. — Я ведь говорил, что ты из лучших побуждений... И всё легально... Никаких судов... Но он... Понимаешь, они сказали так: или мы убираем Гинзбурга, или... Короче, Лер...

— И с чего бы у нас Соломатин стал главзлоде-ем... — передразнила она с горьким сарказмом.

— Да! — Пал Палыч в отчаянии хлопнул по столу и сделал то, чего не делал уже давно: вскочил с кресла. — Но что я мог сделать? Лер, вот что ты от меня хочешь?

Назвал Лерой вместо Валеры? Точно. Начало конца.

— Конечно, я вступился. Попросил, чтобы не по статье. Тихо, по собственному. Выплату — всё чин чинарём! Позвоню Берковскому, он мне должен. Из «Комсомольца». Найдут тёплое местечко в газете, отсидишься, а потом...

Дарья Сойфер

— Может, сразу уж в «Мурзилку»? Или не в «Комсо...», а в «Космо...»? Писать про то, как испытать семь фееричных оргазмов за пять минут и сколько кило помады нужно, чтобы выглядеть как дорогая шлю...

— Валер, да ладно тебе! Главное, не уходить из профессии...

— С ТВ в газетку? Сильно, Пал Палыч, сильно!

— А хочешь, я позвоню на восьмой канал? Племянница моего профессора там...

— И делать сюжеты про вселенский заговор и рептилоидов? Фак... — Лера запустила в волосы палочку, борясь с желанием удушить предателя.

Обидно? Да. По шкале от нуля до десяти? Девяносто. Вся жизнь вдруг показалась Лере глупой насмешкой. Она была из тех, кто идёт в профессию не потому, что нужно получить образование, а потом получать стабильную денежку на борщ и сосиски. Чтобы купить в кредит стенку, телевизор и «Ладду» последней модели. Гналась за светлыми идеалами. Есть вот врачи, которые хотят спасти людей, юристы, которые верят в справедливость. И журналисты, которые мечтают говорить правду и менять мир. Наивные.

А кем ещё ты можешь быть, когда твой отец — политолог? И с детства на пальцах объясняет, как должно быть и как не должно, и учит тебя не молчать. Если ты в десять лет в курсе всех тонкостей Уотергейта, а вместо пазлов раскладываешь партии на политической карте мира? Если у тебя са-

мый образцовый двор, потому что отцу не лень достучаться до Гааги по поводу ям на асфальте и жуликов в управляющей компании?

Леру растили, чтобы она стала голосом — и вот не прошло и первой пятилетки, а какой-то самолюбивый гад втыкает ей кляп. За что боролась, на то и написала по собственному. И Соломатин даже не стал уточнять, кто такой или кто такая Валера Гинзбург. Один звонок — и вот Пал Палыч кочевряжится от неудобства и жалости, но увольняет её. И когда? В день встречи выпускников журфака. Лера — главный ботан и правдоруб курса. Даже те профессора, что спорили с ней до хрипоты, прочили девчонке Гинзбург большое будущее.

— Вы всё равно расползётесь по декретам, — презрительно бросал женской половине курса старый профессор Воропаев, замшелый шовинист. — Максимум будете писать рецепты и гороскопы. Толк выйдет разве что из них, — кивал он на парней. — Или ещё из Гинзбург.

С одной стороны, Лера, конечно, злилась на Воропаева, как всякий уважающий себя борец за права женщин. С другой — в глубине души признавала: декрет ей не светит. Как-то не стояла под окном очередь из поклонников. Да и размениваться на рыцарей пива и тестостерона, когда весь мир распахивает двери, не хотелось. Училась, забывая есть и спать, и только мама периодически выуживала из кучи мятого белья футболку недельной давности и, качая головой, загружала стирку.

С тех пор мало что изменилось. Разве вот зарплата позволила снять квартиру да учебники уступили место полевой работе. Однокурсницы на ежегодных встречах косились всё с той же завистью и всё так же боялись упомянуть собственную работу в каком-нибудь пошлом глянце. Никто уже не спрашивал у Леры, как дела: рисковали напороться на часовую лекцию о том, что мясоперерабатывающие компании вступили в монопольный сговор, а косметика, которую тестировали на животных и запретили на прогрессивном Западе, валом хлынула на наш рынок.

— А вы знаете, сколько особей получило рак кожи от суперматовой помады? — восклицала Лера после второй пинты пива. — Господи, да ешьте меньше жирного, и ничего не будет блестеть!

Настя Тихонова из колонки красоты только отводила взгляд и вздыхала.

Теперь же великая и ужасная Валерия Гинзбург должна была лететь на встречу выпускников прямо из-под шефского пенделя. Врать Лера не любила и не умела, поэтому готова была принять ледяной душ товарищеского злорадства.

Она перестраивалась из ряда в ряд, сжимая руль и терзая сцепление старенькой «Хонды», мысленно репетировала диалоги. Что-то вроде: «Привет! Что? Родила второго? А у тебя свои стажёры? Здорово! А я вот подыскиваю ближайший центр занятости населения. Кстати, Кать, а у твоего благоверного нет, случайно, вакансии мерчандайзера?»

Иногда проскакивала мысль, не послать ли всё куда подальше, забуриться в маленький тёмный паб и не выпить ли до такой степени, чтобы даже бармену захотелось сменить работу. Но Лера не выносила слабость. И прежде всего — в себе самой. Уволили? Имей совесть в этом признаться. Как в детстве. Пока одноклассники Леры жгли дневники за школой, гордая Гинзбург шла к матери и с вызовом сообщала: «Да. Двойка». И у мамы хватало сил только на: «Ладно, исправишь...»

Паркуясь у ресторана, Лера решила с этой самой минуты вести себя скромнее. Как бы она ни презирала гламурные журнальчики, у Нasti Тихоновой и остальных работа была. А у неё, несгибаемой Леры Гинзбург, не было. Значит, заслужила.

Поскольку Пал Палыч отбил всё желание хоть как-то прихорашиваться, Лера извлекла из багажника единственный свой комплект для парада: пиджак и галстук. Все скромные рабочие пожитки теперь уныло валялись в коробке: ручки, блокноты, стыренный не столько ради наживы, сколько из мести телеканалу степлер и кактус по кличке Кот. Старая шутка оператора Димы: каждой одинокой женщине нужен кот, но четвероногого Лере дарить опасно. Загубит животину. Сама-то ест через день.

— Потерпи, Кошак, — сочувственно сказала Лера кактусу. — Скоро будем видеться чаще.

И, от души хлопнув багажником и закатав рукава пиджака, решительно направилась в общепит.